

Список использованной литературы

- 1 Тарланов, З. К. Очерки по синтаксису русских пословиц / З. К. Тарланов. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1982. – 136 с.
- 2 Величко, А. В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке : дис. ... докт. филол. наук : 10.02.01 – русский язык / А. В. Величко ; Гос. ин-т русск. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2016. – 507 с.
- 3 Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М : Наука, 1970. – 767 с.
- 4 Русская грамматика : в 2-х т. / редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. – Т. 2 : Синтаксис / [Е. А. Брызгунова, К. В. Габучан, В. А. Цикович и др.]. – М. : Наука, 1980. – 709 с.
- 5 Григорьева, Н. О. Фразеосхемы с семантикой назначения / Н. О. Григорьева // Вестник Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – № 57. – Великий Новгород : НовГУ, 2010. – С. 22–25.
- 6 Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
- 7 Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / склаў Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск : Навука і тэхніка, 1992. – 491 с.
- 8 Лепешаў, І. Я. Слоўнік беларускіх прыказак / І. Я. Лепешаў, М. А. Якалцэвіч. – Мінск : Беларуская навука, 2002. – 511 с.
- 9 Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. ; рэд. А. С. Фядосік. – Кн. 1. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – 560 с.
- 10 Касько, У. А. Палескі дзівасіл: Беларускія народныя прыказкі, прымаўкі, выслоўі: са скрабніцы А. К. Сержпутоўскага / У. А. Касько. – Мінск : Вышэйшая школа, 2005. – 383 с.
- 11 Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі ; склаў Яўген Рапановіч. – Мінск : Вышэйшая школа, 1974. – 384 с.
- 12 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа : 18.12.2025.
- 13 Нацыянальны корпус беларускай мовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://bnkorporus.info/korpus.html>. – Дата доступа : 23.12.2025.

This article analyzes Russian and Belarusian proverbs constructed using the phraseological scheme “*na to (i) ... chtoby*” / “*na toe (i) ... kab*”. The structural and semantic features of these paremiological units are examined. The basic components of the proverbs that determine the reproducibility of the phraseological scheme are characterized.

УДК 811.161.1'373:398.92(=161.1):124.6

Е. А. ГРИВА

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»)

РУССКИЕ ПАРЕМИИ С КОМПОНЕНТОМ *ЖИЗНЬ*

Объектом исследования в данной статье выступают русские пословицы и поговорки, ключевым компонентом которых выступает аксиологически значимая лексема *жизнь*. Определяются тематические группы рассматриваемых паремий, репрезентирующих народные представления о жизни как о феномене.

Слово *жизнь* является ключевым именем концепта, который занимает одно из центральных мест в русской лингвокультуре. Содержание концепта, как известно, раскрывается во всей

совокупности парадигматических и синтагматических отношений, в которые он вступает. В структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры – этимология слова, его семантика, особенности функционирования, а также современные ассоциации, оценки, коннотации.

В «Толковом словаре современного русского языка» Д. Н. Ушакова зафиксированы следующие значения: ‘существование вообще, бытие в движении и развитии’; ‘состояние организма в стадии роста, развития и разрушения’; ‘время от рождения до смерти человека или животного’; ‘развитие чего-либо; события, происходящие с чем-либо существующим’; ‘совокупность всего сделанного и пережитого человеком; ‘деятельность общества и человека во всей совокупности ее проявлений или в отдельных проявлениях, и ее внутреннее содержание’ [1, с. 140]. Таким образом, рассматриваемая лексема называет одно из ключевых понятий культуры, так как фундаментом любых представлений человека об окружающей действительности является представление о бытии (существовании) кого-то или чего-то.

В подавляющем большинстве случаев рассматриваемая лексема в составе паремий функционирует в прямом значении.

Анализ русских пословиц, содержащих компонент *жизнь*, позволяет выделить несколько основных семантических групп, отражающих различные аспекты народного понимания этого понятия:

1 Жизнь, как сложное явление, требующее от людей постоянных усилий.

Наиболее многочисленную группу составляют паремии, в которых жизнь метафорически осмысливается как трудный, нелёгкий путь, требующий постоянного приложения сил. Это отражается в группе паремий сходной структуры, где жизнь противопоставляется простым, обыденным действиям: *Жизнь прожить – не поле перейти; Жизнь изжить – не рукавицей тряхнуть; Жизнь вести – не возжой трясти; Жизнь изжить – не лапоть сплести* [2].

Общий смысл этих изречений подчёркивает, что прожить жизнь – задача неизмеримо более сложная, чем любое конкретное дело. Она требует не одновременного усилия, а непрерывного, осознанного и часто тяжёлого труда на протяжении всего существования. Эта трудность носит экзистенциальный характер, что отделяет жизнь от механического существования.

2 Жизнь и труд как противоположные проявления.

В разных культурах народ ставит труд превыше всего, подчеркивая его значимость для полноценной жизни человека: *Благо жизни – в труде; Для кого труд – радость, для того жизнь – счастье; Если труд – удовольствие, то жизнь – наслаждение; Без учения, без труда и жизнь не годна никуда* [2].

С другой стороны, отмечаются пословицы, в которых описание труда сопровождается негативными коннотациями: *Жизнь кончается, а работа нет; Бедняк всю жизнь тянет лямку, покуда не выроют ямку* [2].

3 Диалектика жизни и смерти как неразрывное единство.

Основополагающими категориями, связанными с человеческой судьбой, являются жизнь и смерть. Жизнь – время человеческого бытия, воплощение «природной силы», запас которой составляет протяженность человеческого века. Судьба более значима – от нее зависит качество жизни. Непременным компонентом жизни является смерть. В ожидании смерти находились не только во время болезни – к смерти готовились всю жизнь. Жизнь и смерть – вечные темы духовной культуры человека. Несмотря на всю свою противоположность, образуют единую многоаспектную систему, противоречивое единство. Нет жизни без смерти, как нет смерти без жизни. Поэтому закономерным представляется наличие паремий, в которых наблюдается соотношение жизни и смерти: *Чем худая жизнь, лучше добрая смерть; Не всякая смерть тяжка, не всякая жизнь добра; На жизнь и на смерть; Жизнь трудна, но умереть всё же страшнее; Жизнь не красна, так и смерть не страшна; Жизнь на коленях позорнее смерти; Борьба не на жизнь, а на смерть; На жизнь, на смерть поруки нет; Жизнь – сказка, смерть – развязка, гроб – коляска покойна, не тряска, садись да катись* [2].

Русскому языковому сознанию свойственно представление о том, что между жизнью и смертью есть некое пространство. Оно очень маленькое: *Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит* [2].

В языке существительные *жизнь* и *смерть* являются антонимами, однако русское языковое сознание постоянно соотносит жизнь и смерть, оценивая их. Лексема *жизнь* в данных паремиях означает и качество жизни. В пословицах, где жизнь считается хуже смерти, актуализируется именно качество жизни: *Эта жизнь хуже смерти; Эта жизнь и смерти не стоит; Жизнь надокучила, а и к смерти не привыкнешь* [2].

Понятия *жизнь* и *смерть* неразрывно связаны друг с другом в сознании носителей русского языка, дополняют друг друга, актуализируя концептуальную метафору «жизнь как ценность».

Следует отметить, что в составе ряда рассмотренных паремий лексема *жизнь* обладает метафорическими значениями. Так, *жизнь* в пословицах и поговорках также обладает антропоморфными признаками, она учит, ласкает, бежит, берёт, может выступать в образе друга: *Не школа, а жизнь учит; Жизнь на чужбине сама научит; Кто смерти враг, тот жизни друг; Кого жизнь ласкает, тот и горя не знает; Жизнь не камень: на одном месте не лежит, а вперед бежит; Жизнь берет свое; Жизнь бежит, а годы скачут; Хорошая жизнь ум рождает, плохая и последний теряет* [2].

4 Жизнь как высшая ценность и материальный объект.

В ходе исследования были выявлены примеры употребления компонента паремий *жизнь* в значениях, связанных с изображением различных материальных ценностей (деньги, ценная вещь): *Жизнь дороже всех сокровищ; Если погибать, так жизнь подороже отдать; В бою побываешь – цену жизни узнаешь; Жизнь – копейка, голова – наживное дело; Жизнь – копейка, судьба – индейка* [2].

В рассматриваемом материале *жизнь* также приобретает вещественные, физически осязаемые признаки, сравн.: *Без хорошей хозяйки жизнь пахнет псиной.*

Жизнь, как часть имущества, можно получить или отнять, измерить, украсть: *Жизнь отдавай, а тайны не выдавай; Жизнь измеряется не годами, а трудами; Жизнь и доверие теряют только раз; Жизнь измеряется не годами, а трудами; Жизнь дана на добрые дела; Жизнь наша (моя) не краденная* [2].

Анализ паремий с компонентом *жизнь* позволяет сделать вывод о многогранной концептуализации этого феномена в русской языковой картине мира. Паремии с данным компонентом отражают базовые этические и философские установки русской языковой личности. Жизнь осмысливается народным сознанием прежде всего как трудный путь, требующий постоянных усилий. Её ценность неразрывно связана с трудом, который может быть как источником счастья, так и серьезным испытанием. Диалектическая связь со смертью является обязательным условием понимания жизни – высшей ценности, которая обретает смысл в этом противоречивом единстве. Наконец, жизнь часто овеществляется и представляется драгоценным, но ограниченным ресурсом, который дается человеку для реализации в добрых делах.

Как свидетельствуют наблюдения над языковым материалом, паремиологический образ жизни лишён пассивности. Даже в признании её трудности и краткосрочности виден призыв к деятельному, ответственному и осмысленному её проживанию, где главной мерой становятся не годы, а труды. Это отражает фундаментальную установку русской традиционной культуры на ценность действий и духовных усилий в жизни человека.

Список использованной литературы

1 Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : «Аделант», 2013. – 800 с.

2 Даль, В. И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс] / Режим доступа : https://imwerden.de/pdf/poslovitsy_russkogo_naroda_tom1_1989.pdf. – Дата доступа : 29.12.2025.

The object of research in this article is Russian proverbs and sayings, the key component of which is the axiologically significant lexeme life. The thematic groups of the considered paroemias are defined, representing folk ideas about life as a phenomenon.

УДК 821.161.3-1*А.Разанаў

А. Д. ДАКУКІН

(г. Гомель, УА “Гомельскі дзяржаўны
ўніверсітэт імя Францыска Скарыны”)

“УСЕ ЕДЗЬМА ДА СЯЛЬЦА ПА САМАЕДА!”, АЛЬБО ТАПАНІМІКА І ЭТЫМАЛОГІЯ Ў ТВОРАХ АЛЕСЯ РАЗАНАВА

У артыкуле аналізуюцца географічныя назвы, наяўныя ў творах Алеся Разанава. Гэта, у прыватнасці, тапонімы яго малой радзімы – Бярозаўшчыны, а таксама Брэстчыны і Беларусі ў цэлым. Акрамя таго, у тэкстах іншы раз маюцца яшчэ і назвы замежных мясцін, гістарычныя тапонімы. Адзначаецца, што паэт нярэдка не проста ўжывае ў вершах пэўныя географічныя найменні, але і імкнецца растлумачыць іх сэнс, падаць этымалогію. Асабліва цікавым у гэтым плане з’яўляецца ўласнааўтарскі жанр этымалагічных эцюдаў з кнігі “След самаеда”, урыўкі з якой публікаваліся ў газеце “Літаратура і мастацтва”.

Моўныя асаблінасці твораў Алеся Разанава з’яўляюцца вельмі плённым матэрыялам для даследавання. У прыватнасці, у тэкстах сустракаюцца шматлікія тапонімы, на якія мы і звернем увагу ў дадзеным артыкуле. Варта пры гэтым адзначыць, што паэт часта не проста ўжывае ў вершах пэўныя географічныя назвы, але і імкнецца растлумачыць іх сэнс і этымалогію.

Пісьменнік нарадзіўся ў вёсцы Сялец, якая знаходзіцца ў Бярозаўскім раёне Брэсцкай вобласці. Заканамерна, што ў сваіх тэкстах паэт нярэдка ўжываў тапонімы, звязаныя з яго малой радзімай. Так, ужо ў першым зборніку “Адраджэнне” знойдзем верш, прысвечаны паходжанню назвы *Бяроза Картузская* [1, с. 30]. У іншых тэкстах розных гадоў згадваюцца вёскі *Нарутавічы*, *Куроўшчына*, *Сашыца*, *Лукомер*, што сапраўды існуюць на Бярозаўшчыне. Некаторыя назвы пісьменнік “зашыфроўвае”. Напрыклад, у вершы “Сачу вясну...” чытаем: “Сачу вясну. Жыву ў *Міжбор’і*. // <...> Ды зноў прыдадзень паўстане, // бор да *Міжбор’я* прывядзе” [2, с. 47]. У разглядаемым раёне такой вёскі няма, затое маецца *Міжлесце*, якое і выступіла, магчыма, прататыпам паселішча з верша. У версэце “Падарожжа Альжбеты па родным краі”, распавядаецца пра Альжбету, каторая разам з групай калгаснікаў пад кіраўніцтвам маладога настаўніка адправілася ў падарожжа. Вандроўка людзей адбываецца па іхняй вёсцы, бо ў тэксце згадваюцца “іхнія хаты”, “іхняя рэчка *Малечка*” [2, с. 366]. Цікавае выклікае якраз найменне ракі. У энцыклапедыі “Блакiтная кнiга Беларусi”, дзе пералiчваюцца ўсе водныя аб’екты краiны, мы такой назвы не знаiшлi. Аднак на Бярозаўшчыне ёсць вёска Малеч, праўда, акружаная мелiярацыйнымi каналамi, а не рэчкамi. З другога боку, постаць маладога настаўніка можа быць адсылкай да бiяграфii самога А. Разанава: пасля заканчэння Брэсцкага педiнстытута ён настаўнiчаў у вёсцы Кругель на Камянеччыне (i пазнаёмiўся са сваёй будучай жонкай Галiнай Мiкалаеўнай, якая тады якраз вучылася ў школе). Там працякае рэчка Лясная, куды ўлiваецца яшчэ адна (значна больш кароткая за першую, нават назва яе нiдзе не пазначана). Гэтыя маленькiя рэчкi i мог апiсаць аўтар пад назвай Малечка. Дарэчы, i ў самiм Сяльцы ёсць свая рэчачка-“малечка” – Башта. У вершаказе “Газеты” пiсьменнiк гаворыць пра краiну *Маравiль* i “запазычвае” назву ў аднайменнай бярозаўскай вёскi. Безумоўна, сустрэнем у тэкстах i родны для А. Разанава *Сялец*. Напрыклад, у пункцiры “Туман у Сяльцы...” [2, с. 231], версэце “Пажары”: “Вялiкi Сялец, у Сяльцы пажары, а людзi то каля iх, то ў iх” [2, с. 378].